

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

ШЛА репетиция. В. П. Налобин уже отработал свою сцену, и мы сидели в зале областного театра драмы, беседовали.

— Было ли вам в жизни очень трудно?

— У меня — за плечами война... Но бывают трудности другого плана. Хотите один эпизод? Я писал рассказ. О композиторе Шостаковиче. Вернее, очерк, потому что все происходило на самом деле, я узнал об этом случае 30 лет назад от своих товарищ еще на фронте, под Сталинградом. Очень долго работал, писал урывками в свободное время, каждая мелочь, каждая деталь имели для меня особый смысл. И вот, наконец, очерк готов. Перечитывая его и чувствуя, что главная мысль тонет в деталях. Все надо начинать сначала! И не просто переделать, а убрать то, что казалось находками, что искал неделями, к чему привел... Тех случаев и в актерской судьбе множество. Это самое трудное: поработать с душой, может, даже где-то со злостью, остервенением, и вдруг понять, что все сделано не так, неверно.

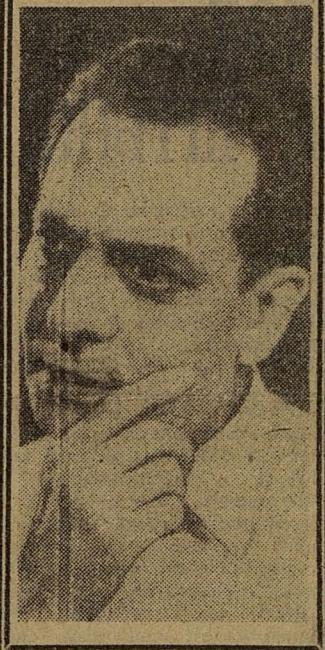
Заслуженный артист РСФСР В. И. Налобин в новом спектакле нашего театра «Дарю тебе жизнь» выступает и в качестве исполнителя роли Гоголева, и как ассистент режиссера.

Рождение театрального спектакля вполне может послужить сюжетом для литератора: здесь есть свои «подводные течения», стоянки разных точек зрения и характеров.

Когда говорят о перевоплощении, вряд ли это надо понимать лишь как процесс минутный, временный. Оно начинается на репетиции, когда актер и режиссер вместе узнают героя. Не создают, а именно узнают, потому что на сцене должен появиться вполне реальный человек, поступки которого вытекают из его психологии, мировоззрения. Идеальный вариант — совпадение оценки режиссера и актера. А если эти должности совмещают один человек? На первый взгляд, все в таком случае упрощается.

Л. Харлова

ЗРЕЛОСТЬ

щается. Но на самом деле именно здесь таится опасность ошибки.

— Иногда меня просят объяснить, почему я в одном спектакле делаю паузу, а в другом на том же самом месте говорю ровно, — рассказал Налобин. — А объяснить это трудно. Просто чувствую, ритм спектакля, накал ситуации... Когда начинаешь работать над новой ролью, во многом действуешь по наитию. Я подчиняюсь внутреннему голосу. Может быть, этот внутренний голос и есть опыт...

Он — актер. А еще пишет неблагие рассказы, прекрасно рисует. Закончил в детстве художественную школу. Вспомнил, как друзья однажды уговарили его пойти на рыбальку. Посидел некоторое время, глядя на неподвижный поливок, стало скучно. Достал альбом, начал рисовать и... был обо всем на свете.

Этот человек мыслит образами. Не раз его не узнавали на улице хорошо знакомые люди: вместо легкого шага — шаркающая походка, обычная подтянутость сменяется сутулостью. Он настолько входит в образ своего очередного героя, что даже меняется внешне.

Его любимая роль — Франц фон Мор в шиллеровских «Разбойниках». В этом «виноват» не только богатый текст. Он не любит играть «голубых героев», равно как и абсолютно отрицательных. Внешняя мягкость и черствость души, лоск и низость, соединяющиеся в одном человеке передать гораздо сложнее. «Как же можно любить подлеца?» — спросите вы. Но любимая роль — это трудная актерская удача.

Его мечта — Пушкин. В этом образе не будет таких полярных черт характера, как у Франца, Мора. Но Пушкин — личность неординарная. Пушкин влечет актера своей сложностью, духовным богатством. И мучительной противоречивостью.

Его герои разнообразны: Корчагин и Курочкин в «Свадьбе с приданым», Марат в спектакле «Мой бедный Марат» и Фигаро в «Женитьбе Фигаро», Давыдов в «Поднятой целине» и Дарлингтон в «Веере леди Уиндермир». Все образы подаются актером в динамике, в развитии.

Одна из последних ролей — Дарлингтон. В начале спектакля он легок, до легковесности, ироничен до цинизма. Словесный пинг-понг, когда за шуткой в карман не лезут, самоуверенность даже в разговоре с любимой женщиной — таков мистер Дарлингтон.

На протяжении действия мы видим, как трудно он борется с собой, как постепенно мир окрашивается для него в другие тона, как его страсть к леди Уиндермир перерастает в чистую и блаженную любовь. Актер вместе с героем изменяется даже внешне. Нет больше маски насмешливости на лице. Он задумчив и печален...

Четверть века заслуженный артист республики Виктор Пантелеимонович Налобин работает в театре. Он взрослел, вместе со своими героями. Взрослел духовно.

Пенза.

На снимке: В. П. Налобин.